

«ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕАЛЬНОГО» КАК ФАКТОР ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX в.

Д. Л. БАШКИРОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматривается проблема литературно-эстетической системы в рамках развития русской литературы XIX в. – реализма. Большинство вопросов, связанных с реализмом, группируются вокруг монологической природы европоцентрической модели развития культуры, которая лежит в основе изучения и понимания художественных явлений, что противоречит сущности уникального духовного феномена – восточнославянской письменности. Предлагается новый взгляд на эту проблему, суть которого отражает понятие «воплощение идеального». На формирование художественно-эстетических принципов русской литературы повлияли возникшие внутри просветительской деятельности Кирилла и Мефодия («перевод») движение смыслов и поток сгущенных связей, которые на восточнославянской почве образовали письменность, представлявшую собой «ядро». Совокупность динамических проявлений «ядра» в культурно-историческом окружении создало архитектуру ценностно-эстетических отношений – «воплощение идеального».

Ключевые слова: письменность; «ядро»; реализм; смысл; литературное направление; «перевод»; «воплощение идеального».

«УВАСАБЛЕННЕ ІДЭАЛЬНАГА» ЯК ФАКТАР МАСТАЦКА-ЭСТЭТЫЧНАГА РАЗВІЦЦА РУСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ XIX ст.

Д. Л. БАШКІРАЎ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Аналіз. Разглядаецца праблема літаратурна-эстэтычнай сістэмы ў рамках развіцця рускай літаратуры XIX ст. – рэалізму. Большасць пытанняў, звязаных з рэалізмам, групуюцца вакол маналагічнай прыроды еўрапацэнтрычнай мадэлі развіцця культуры, якая ляжыць у аснове вывучэння і разумення мастацкіх з’яў, што супярэчыць сутнасці ўнікальнага духоўнага феномена – усходнеславянскай пісьменнасці. Прапануецца новы погляд на гэту праблему, сутнасць якога адлюстроўвае паняцце «ўвасабленне ідэальнага». На фарміраванне мастацка-эстэтычных прынцыпаў рускай літаратуры паўплывалі рух сэнсаў і плынь згущаных сувязей, якія ўзніклі ўнутры асветніцкай дзейнасці Кірыла і Мяфодзія («пераклад») і ўтварылі на ўсходнеславянскай глебе пісьменнасць, што з’яўлялася «ядром». Сукупнасць дынамічных праяў «ядра» ў культурна-гістарычным асяроддзі стварыла архітэктоніку каштоўнасна-эстэтычных адносін – «ўвасабленне ідэальнага».

Ключавыя словы: пісьменнасць; «ядро»; рэалізм; сэнс; літаратурны напрамак; «пераклад»; «ўвасабленне ідэальнага».

Образец цитирования:

Башкиров Д.Л. «Воплощение идеального» как фактор художественно-эстетического развития русской литературы XIX в. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2025;3:34–44.
EDN: BUXVIF

For citation:

Bashkirau DL. «Embodiment of the ideal» as a factor in the artistic and aesthetic development of Russian literature of the 19th century. *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2025; 3:34–44. Russian.
EDN: BUXVIF

Автор:

Дмитрий Леонидович Башкиров – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры русской литературы филологического факультета.

Author:

Dzmitry L. Bashkirau, PhD (philology), docent; associate professor at the department of Russian literature, faculty of philology.
bashkirou_dl@mail.ru

«EMBODIMENT OF THE IDEAL» AS A FACTOR IN THE ARTISTIC AND AESTHETIC DEVELOPMENT OF RUSSIAN LITERATURE OF THE 19th CENTURY

D. L. BASHKIRAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The issue of the literary and aesthetic system within the development of Russian literature of the 19th century (realism) is examined. Most questions related to realism revolve around the monological nature of the Eurocentric model of cultural development, which underpins the study and understanding of artistic phenomena, contradicting the essence of the unique spiritual phenomenon – East Slavic literacy. A new perspective on this problem, the essence of which reflects the concept of the «embodiment of the ideal», is proposed. The formation of the artistic and aesthetic principles of Russian literature was influenced by the movement of meanings and the flow of condensed connections that arose within the enlightening activities of Cyril and Methodius («translation»), which on East Slavic soil formed a literacy that represented the «core». The totality of the dynamic manifestations of the «core» in the cultural and historical environment created the architectonics of value-aesthetic relations – the «embodiment of the ideal».

Keywords: writing; «core»; realism; meaning; literary trend; «translation»; «embodiment of the ideal».

Введение

Важной составляющей понятия «реализм» представляется завершение синхронизации русской литературы с европейской культурой. Реализм, усвоивший в готовом, результативном виде структурность и системность восприятия литературных явлений, определяет модальность долженствования. Он должен был появиться как звено причинно-следственных связей. Устремленность русской классики «за пределы этой реальности» [1, с. 27] – следствие наличия родовой черты реалистической концепции, в рамках которой мир и человек воспринимаются в закономерностях развития. Русская литература, воспринимая их в полноте, приводит закономерности к перенапряжению, пороковому состоянию, апофатическому художественному итогу.

Названная выше особенность русской литературы XIX в., в частности на том уровне ценностно-эстетического отношения к действительности и его художественного воспроизведения, который зафиксирован в понятии «реализм», ставит вопрос о его связи с христианством. Он решается в рамках европоцентрической культурной модели, важной характеристикой которой являются отношения светского и религиозного начал. Отличительная черта русской литературы XIX в. в восприятии мира и человека, состоящая в преодолении ограниченности современности как пространства осуществления индивидуального начала, не может быть понята на этом уровне, но именно к синтезу светской и православной культур восходит вопрос о христианском, православном, духовном реализме, поставленный в литературоведении в конце XX в. [2, с. 11]. Симптоматичны размышления о христианском реализме (В. Н. Захаров). Под ним понимается эстетический принцип, который «явлен в Евангелии» [2, с. 10].

Участие православной традиции в формировании художественных особенностей русской литературы раскрывает ее сущностные характеристики. Однако их соединение с реализмом проблемно. Духовный элемент неслучайно включается в строение культуры, которое усвоено через европейское влияние. Смысл, который вкладывается в понятие «христианский реализм», относится к широкому кругу вопросов, связывающих православие с русской литературой как способом его бытования в действительности, не приобщенной к полноте веры, которой является Церковь. Однако понятие «реализм» включает христианство в качестве религиозного пласта в светскую культуру и делает элементом ее структуры. Вместе с тем художественное явление, определяемое этим понятием, может быть полноценно воспринято только через отношение к христианству.

Попытки рассмотреть художественные особенности русской литературы в рамках европоцентрической культурной модели вступают в противоречие с сущностью уникального духовного феномена – восточно-славянской письменности. В литературоведении этот факт обращал на себя внимание указанием, что письменность пришла в славянскую культуру в качестве «целостного письменно-словесного произведения» [3, с. 21], создавая для определенного содержания (Евангелие). Однако наблюдение находит применение в рамках противоборства понятий «словесность» и «литература» «как ключевых для западного и русского типов художественного сознания» [3, с. 18]. Возникшая на стыке усвоения греческой традиции и предрасположенности к ней славян в гипотетических языческих верованиях первичность для славянской письменности слова, а не знаков, из которых оно состоит [3, с. 22], верно указала на отношение славянской письменности к идее членения (В. Гумбольдт). Здесь мы в самом общем виде вступаем в область полемики с ней как существенной чертой европоцентрической культурной модели.

Идеи членения явлений культуры не актуальны в том смысле, что внутри просветительской деятельности Кирилла и Мефодия («перевод») они стали катализатором движения смыслов, образующего поток сгущенных связей, которые на восточнославянской почве создали «ядро» – особую форму бытования христианства в качестве письменной культуры. «Ядро» определяется внутренней направленностью перевода церковной книжности и сохранения себя в этом качестве в ситуации вовлечения в социально-исторические процессы и пограничные контакты со светским образом жизни. Совокупность динамических проявлений «ядра» в культурно-историческом окружении создает архитеконику ценностно-эстетических отношений, которую мы называем «воплощение идеального». По сути, это исходящий из «ядра» мощный апофатический импульс, который приводит к выделению из выразительной природы традиционной системы литературно-эстетических взглядов, описывающей индивидуальное строение человека, личностного начала, погруженного в сферу воплощения.

Результаты и их обсуждение

«Ядро» – конечная восточнославянская фаза бытования «перевода», на которой образуется древнерусская письменная культура. Здесь возникает область полемик. Господствующая концепция связи древнерусской и византийской литератур (Д. С. Лихачев, Н. С. Трубецкой) подверглась сомнению в рамках утверждения, что в древнерусской культуре «отсутствует оппозиция светской и духовной культур» [4, с. 321], вследствие чего «в сфере литературы и культуры вообще не устанавливаются какие-либо четкие внутренние подразделения» [4, с. 322]. Эти суждения затрагивали вопрос о жанрах в древнерусской литературе, так как сфера членения культурного пространства была их основанием. По этой причине их корректировало отнесение древнерусской литературы к литературам риторического типа: риторика, выступая в качестве творческого принципа, позволяла сделать вывод о том, что «под действием этого принципа развивалась и средневековая литература у восточных славян как часть европейской христианской культуры» [5, с. 168]. Центром риторических литератур является готовое слово (А. Н. Веселовский). Недопустимость применения данного понятия объясняется «ядерной» архитектурикой восточнославянской письменности, обусловленной генезисом «перевода» и его определяющим отношением к слову.

В архитектурике религиозной культуры, которая сложилась на восточнославянской почве под воздействием создания письменности для перевода Евангелия на славянский язык («перевод») (шире под влиянием кирилло-мефодиевского наследия), выделяются два образующих ее уровня. Первичный импульс письменности – «славить Бога на славянском языке» (сформулирован в житии Кирилла) – носит сугубо внутреннюю церковную направленность. Славянская письменность находится исключительно в смысловом поле Евангелия, возникая из Священного Писания и воплощаясь в нем в целостности и полноте. Затем она переносит первичный импульс на явления письменной культуры, пересоздавая действительность на основе архитектурического принципа сокращения дистанции между смыслами или их сворачивания. Эта ситуация обусловлена нахождением «перевода» в поле воздействия масштабных культурно-исторических сдвигов, сопровождавших начавшееся разделение восточной и западной ветвей христианства, что являлось реакцией на его вовлечение в активность светской культуры. В перспективе эти процессы привели к отделению католичества от православия, а также к гибели Византии. Данную внешнюю историческую перспективу «перевод» соотносил с церковным пространством, обращенным исключительно к внутреннему строю человека. Отношение «перевода» к исторической ситуации позволяет видеть в нем феномен православной культуры, который находится в продолжении распространения христианства.

В восточнославянской культуре христианство представляло собой не культурный пласт, взаимодействовавший с другими пластами с разной степенью интенсивности, а «ядро», контактировавшее с окружением. В данном аспекте светская культура в своем заимствованном виде, порождавшем дихотомические ряды чужого и самобытного, оригинального и переводного, в первую очередь выступала в качестве внешней оболочки «ядра», вбирая в этом значении весь узел мировоззренческих проблем. Само сосуществование «ядра» и оболочки создавало пространство связей, к которому и было направлено культурное поле в словесном проявлении.

Архитектоника «ядра» образована сущностью церковного пространства, в котором смыслы обращены внутрь, а не вовне и творения которого фундаментально определяли сущность письменности на славянском языке в полемике Кирилла с его противниками. Формируется отношение к текущей действительности, состоящее не в разворачивании исторических, социальных процессов, а в их сворачивании, реализации принципа сокращения смысловой дистанции между моментом бытия и евангельской истиной.

Деятельность Кирилла и Мефодия была связана с важнейшими движениями в истории и культуре. Помимо конкретных фактов, воздействовавших на нее в данном аспекте, из их множественности и значимости выкристаллизовывается сама природа связей, которая стала неотъемлемой чертой «перевода». Четко обозначенная, во многом вытекающая из политических и исторических целей Византийской

империи задача миссии – создать письменность для славян – решалась под воздействием внутреннего императива, которым руководствовались равноапостольные братья. Отношения внешнего и внутреннего создавали ситуацию притяжения, при которой сконцентрированное в вечности внутреннее начало притягивало и организовывало стремящиеся к рассеиванию пространственно-временные слои. Из данных отношений складывался прототип архитектоники «ядра» и его окружения. В результате важнейшие явления и события истории и культуры, которые наделяются смыслом в развернутом виде, фиксировались в свернутом, изменяющем их качество значении, при котором одно оказывалось не напротив или в продолжении другого, а возле него. «Перевод» стал не производной от окружавших его процессов, а их центром, средоточием судьбы христианства в уже христианском мире.

В Византии отношения светской и религиозной культур перешагнули границу преобразования античного наследия и вступили в область богословского и интеллектуального взаимодействия. Параллельно усиливались противоречия между Византией и Римом, которые обострялись их олицетворением со стороны выдающихся деятелей. Внутренние и внешние факторы в рамках развития византийской христианской культуры, если привести к общему знаменателю их догматическую направленность, решали проблему правильно славить Бога (православие), что в аспекте «языка» пересекалось с концепцией «перевода» «славить Бога на славянском языке». Она делала актуальной не современные тенденции византийского богословия, а ту сторону греческого православия, внутри которой создавался символ веры [6, с. 429] во всем объеме связанных с ним догматических вопросов борьбы с ересью. Приведение сложнейших догматических понятий к ясности, потребовавшей напряжения всех уровней христианской богословской традиции (патристики), греческой культуры и языка, – та сфера, в рамках которой протекала деятельность Кирилла и Мефодия. Они оставляли в стороне современные тенденции, в том числе круг интересов, который включается в понятие «фотиевский ренессанс». Данный выбор выходил за рамки личных предпочтений и стал образующим «ядро» началом, которым определялись его автономное положение по отношению к светской культуре и апофатический характер связи с ней. Последнее проявилось не в недостаточности светского компонента, а в его избыточности. Находившееся на стадии зарождения, становления, развития в зоне притяжения «ядра», оно оказывалось в состоянии предвосхищения результата. Светская и христианская культуры существовали в измерениях постоянного и относительного, вечного и изменяющегося. Это свойство «перевода» в полной мере устанавливается по его проявлениям в «ядре» и образованной им древнерусской письменной культуре, в которой нет оппозиции светской и духовной культур и производных от нее внутренних подразделений (В. М. Живов) в литературе. В данном аспекте «ядро» – круг переводов первоучителей и образованная им письменность, связанные отношениями сущности, которая возникает в сфере личностного начала, и пронизывающего ее смысла, которыми устанавливается направленность переводческой деятельности и ее воздействия на развитие книжной культуры. По этой причине внутренние подразделения художественного пространства втягиваются «ядром», в котором нет границ и проблемы непрерывности. В «ядре» все находится в свернутом виде именно потому, что явления действительности даны в своей полноте, совершенности. Систематизация и классификация – та сторона, которой они обращены вовне, в развитие. Для «ядра» характерна степень пронизываемости смыслом сущности, т. е. воплощение. В полемике со сторонниками «трехязычной» ереси Кирилл, активно опираясь на Второе послание к коринфянам, определяет славянскую письменность как язык Священного Писания отношениями внутренних и внешних, которыми закладываются уровни проявления «ядра».

Для характеристики кирилло-мефодиевского наследия, которое привело к образованию «ядра» на восточнославянской почве, необходимо указать, что оно связано с историей христианства. В ней выделяются следующие этапы: распространение (проповедование) Евангелия как последнее установление Спасителя, мученичество и иночество. Они определяют единство открытости, всемирности христианства и его внутренней направленности – «бегства от мира». Открытость, обращенная внутрь, – архитектура христианской культуры, которой обусловлены формы ее бытования. Христианство вбирает в себя мир и преобразует его. Сосуществование светской и церковной культур в христианской Византийской империи пронизано идеей-выбором «бегства от мира», движением монашества [7, с. 86–87], а также экспансией светской культуры. Падение Константинополя в 1453 г. является результатом этого сосуществования.

Иная форма нахождения двух культур складывается в рамках восточнославянского конгломерата, а именно в Древней Руси. «Ядерный» культурный тип устанавливался в три этапа. Первый этап (концептуальный) связан с созданием славянской письменности и переводом Священного Писания и богослужебных книг Кириллом и Мефодием. Второй этап (исторический) характеризуется бытованием и развитием письменности на славянском языке на западнославянской (Моравия, Паннония) и южнославянской (Болгарское царство) почвах. Третий этап (культурно-типический) связан с переносом письменности на церковнославянском языке в Древнюю Русь, что обусловило ее освоение, сформировавшее культурное пространство.

На первом этапе закладываются основы существования христианской культуры в «ядерном» состоянии и формируется состав, который в силу особенностей принимает вид «ядра» в своей предельной концентрированности и неделимости. «Ядерное» строение отражает характер религиозной, исторической и общекультурной ситуации, окружавшей деятельность Кирилла и Мефодия. Это была реакция на критическое состояние сосуществования светской и религиозной культур в Византии. Данная критическая точка в развитии ознаменована тем, что каждый элемент в развернутом виде наделен максимальными возможностями истолкования и понимания. Переводческая деятельность первоучителей славян была результатом предельного сгущения и сжатия культурного поля, которое из окружающего и воздействующего на этот акт явления претворяется в вобранную им внутреннюю сущность.

На втором этапе бытования «перевода» вне личностных центров его создателей Кирилла и Мефодия он попадает в пространство исторического и культурного влияния Византии, где он обогащается ее духовными и литературными возможностями, а также определяется в своей национальной самобытности. На данном этапе «перевод» еще не сложился в «ядро». Он вовлекается в сферу интересов Византийской империи, вступает во взаимодействие с различными пластами греческой культуры. Его устойчивость определяется не внутренним моментом, а внешней идеей национальной самобытности.

На третьем этапе «перевод» переносится на восточнославянскую почву в качестве церковной книжности (Священное Писание, Священное Предание, богослужебные книги), что приводит к созданию письменной культуры. Феномен ее формирования выступает катализатором возникновения «ядра». Прослеживаются несколько внутренних стадий его становления, которые в основном совпадают с этапами развития древнерусской словесности, но основной принцип контактов с окружающим культурным пространством и сущностные черты складываются сразу. «Ядро» – особая форма бытования христианства в качестве культуры, сохраняющая его внутреннюю направленность как вероучения и учитывающая ситуации вовлечения в социально-исторические процессы и пограничные контакты со светским образом жизни. Появляется особое культурное пространство, где есть непроницаемое извне «ядро», которое воздействует на окружение посредством силового поля, создаваемого критическим значением свернутых в нем смыслов. Это выделение христианства из «ядра» как энергии связей формирует ценностно-эстетическую художественную ситуацию в светской культуре, при этом «ядро» не испытывает никакого воздействия извне и не образует пограничных зон. Все моменты проникновения религиозных тем и образов в светскую сферу при становлении ядра на древнерусском этапе являются исключениями из правил. Их основная часть связана с европейским влиянием Нового времени.

Создаваемую «ядром» особую художественно-эстетическую ситуацию-архитектуру мы называем «воплощение идеального». Под «идеалом» понимается сохраняемый «ядром» образ человека и мира, который явлен в Евангелии совокупностью смыслов, пронизывающих все стороны бытия, и дан в непрерывности своего становления. К нему и определяющему его содержанию не применимы понятия «идеальная норма» и «образец» с их представлением о законченности, совершенстве и ограниченности. Процессы, происходящие в «ядре», определяются их внутренней направленностью, являются связью как таковой, не выступают частями целого и поэтому не представляются структурно. «Ядро» обращено вовне не сущностью, а своими проявлениями, т. е. оно фиксируется с динамической стороны в оболочке. Перенос «перевода» на восточнославянскую почву не является трансплантацией [8, с. 15–23; 9, с. 175]. Во-первых, происходит формирование самого «ядра». Во-вторых, в совокупности динамических проявлений оно создает художественно-эстетическую ситуацию, которая определяется понятием «воплощение». В ее центре в качестве художественной данности находится личностное понимание человека как непрерывно становящейся в Боге человечности, которая является открытой, будучи направленной на саму себя. В данном аспекте воплощение отлично от выражения, которое характеризуется индивидуальностью как антропологической законченностью и завершенностью-ограниченностью, направленной в этом значении вне себя.

«Перевод» устремлен к первообразу, но в значении «лицо», а не «текст». Проблема перевода Священного Писания на национальные языки не случайно пересеклась с полемикой с представителями иконоборчества. На вопрос о том, какое изображение Спасителя подлинно при множественности и несхождении образов между собой, патриарх Фотий указывал на множественность и разность форм и знаков букв, с помощью которых «изготавливается» (евангелие) на различных языках [10, с. 276]. На древнерусской почве данная ситуация переносится на отношения личного и индивидуального. Владимир Мономах размышлял об общей природе людей и отмечал, «как разнообразны человечески лица, если и всех людей собрать, не все они на одно лицо, но каждый на свой облик, по Божьей мудрости» [11, с. 166]. По отношению к внешним проявлениям лицо находится в апофатической позиции («чуду дивимся»), определяющей эстетическое событие воплощения («если и всех людей собрать»), в котором личность

являет себя и которое отличается по своей направленности от силы выражения, характеризующей индивидуальность. Личность обнаруживается не в том, что отличает, а в том, что связывает.

Множественность и разность, т. е. буквальность как текст, отнесены к сфере изготовления, не предшествующей евангельскому содержанию, а возникающей из него. Данная ситуация обратной перспективы – сущностная черта «перевода». Он максимально приближен к Евангелию в том аспекте, что греческая культура, внутри которой он возникает, находится в ситуации восхождения образа к первообразу, движения от буквальности, знаковости к смыслу. Внутри «перевода» смысл проникает буквальность, максимально точно реконструируя евангельский сюжет: нисхождение Спасителя, а не восхождение к нему.

Славянский язык, созданный для перевода христианской книжности, определялся тем, что в нем смысл предшествовал буквальности. В религиозной культуре, в которой складывается «ядро», явление дана на уровнях закона и благодати. Для «ядра» актуален второй уровень. В оригинале, с которого делается «перевод», язык предваряет содержание, в «переводе» ситуация иная: письменный язык возникает из содержания. В первом случае буква претворяет дух, знак – смысл, и, соответственно, освоение опирается на первые позиции, выступающие проводниками. Во втором случае смысл распространяет себя на знак, если не отождествляется с ним, то наделяет смысловой свободой. Она активизирует возможности, усвоенные славянской письменностью от языка культуры Византии, и вместе с тем ставит их в позицию закона. В рамках этого отношения возникает то понимание эстетических категорий, которое, как аномалия в сложившейся системе художественных взглядов, прослеживается в русской литературе и отражает ее сущностные особенности. В данном контексте эстетический слой (буква) восходит к уровню раскрытия смысла, данного законом как «служение смертоносным буквам, начертанным на камнях» (2 Кор. 3:7). Написанное отождествляется с тем, на чем написано. Над ним апостол Павел, на которого ориентированы в своем служении просветители славян, выстраивает явление полноты смысла: «...вы – письмо Христово, чрез служение наше написанное, не чернилами, но Духом Бога живого, не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца» (2 Кор. 3:3). В первом случае написанное отождествлено с материалом, который обращен к верующим. Во втором случае оно соотносено с сердцем, которое представляет собой чистый смысл, не ограниченный знаками. Выражение становится воплощением. Если для языка оригинала актуальна ситуация, отраженная в апофатических образах «не чернилами», «не на скрижалях», то «перевод» вбирает в себя «способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит» (2 Кор. 3:6).

Славянское Евангелие возникло в литургическом значении [12, с. 134]. Последующее развитие Евангелия-апракос в книгу для чтения и формирование письменности на славянском языке сохранили внутри себя как сущностную черту эту обратную направленность, которая отразилась в отношении к слову. Оно напрямую обращено к сердцу (человеку), отождествляясь с ним внутри церковного пространства. Литургическое слово, становясь словом для чтения, формализуется, погружается в буквальность, материальное окружение, но не обнаруживает себя в этой оболочке, а воздействует на нее полнотой первоначального смысла. Он выступает именно в качестве словесности в бессловесности окружения, выстраивая эстетическую ситуацию образов нисхождения (воплощения), которые определяются понятием «софийность».

Один из первых эпизодов жития Кирилла – видение, в котором он выбирает себе в невесты Софию, «то есть Мудрость» [13, с. 72], – обращен к фундаментальному смыслу в деятельности первоучителей славян. Здесь важны обнаруживаемые через сопряжение с образом Софии, Божественной премудрости, принципы архитектоники, образующие «ядро». Религиозно-символическая природа видения как общего места в агиографии сопрягается с социальными впечатлениями в экспозиции сна: «...стратиг, собрав всех девушек нашего града» [13, с. 71–72]. Иконописная, «окрыленная и огненно-лика» [14, с. 358] София, Божественная премудрость, не выводится за круг земной жизни, а вводится в него. Создается ситуация не ограничения, а расширения жизненного пространства, которое приводит к состоянию выбора: «...увидел одну прекраснее всех» [13, с. 72]. Формализация общим местом вселенского масштаба земного и небесного предельно концентрируется и сжимается в лаконичной структуре высказывания, связывающей ситуации выбора и красоты. В них узнаются два опорных начала древнерусской культуры, отраженные в сюжете выбора веры в Повести временных лет.

С ценностно-эстетической точки зрения выбор и красота в их софийном значении восходят к принципу воплощения как нарастания духовного напряжения внутри «мирового здания». Восходящий к притче Соломона образ Софии, Божественной премудрости («Премудрость созда себе дом» [12, с. 302–303]), отражен в христианской богословской, литургической, иконописной традиции под знаком догмата о воплощении Спасителя в его христологическом и богодическом аспекте. Здесь представлен диапазон смысла в его культурно-историческом развертывании, о котором в заключительной строфе Евангелия от Иоанна

написано: «...но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг. Аминь» (*Ин. 21:25*). Образ мира, который не может вместить написанных книг, – апофатическое определение славянской письменности, началом которой стала строка, открывающая Евангелие от Иоанна: «...и тогда сложил письмо, и начал писать слова Евангелия: “В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог”» [13, с. 87]. «Перевод» с точки зрения софийности приводит написанные книги разворачивающегося смысла к архитектонике воплощения (явленности в красоте и духовности в выборе) в первоначале, которой определяется его позиция целостности и единственности («ядро») с точки зрения культурно-исторического развития.

Внутренней направленностью «перевода» устанавливается отношение христианского вероучения как постоянного смысла к действительности как сфере изменения, когда слово пребывает в состоянии материала, инструмента и содержания, определяющего человека. На этом уровне «перевод» в своем религиозном значении преобразуется в культурный акт, обнаруживая человека в его сущностной пограничности, а именно в качестве индивидуальности и личности. «Перевод», складываясь в завершающей фазе развития в «ядро», создает культурную ситуацию, в центре которой находится личностное начало, тогда как окружающая его культура отражает индивидуальную сторону человека. С художественной точки зрения индивидуальное и личностное оказываются не в отношениях внешнего и внутреннего как форма и содержание («форма, обывая содержание извне, овнешняет его, то есть воплощает» [15, с. 33]), а создают пограничную ситуацию внутри слова, образуя сферы выражения и воплощения. Первая сфера, исходя из утилитарной, коммуникативной функции слова, рассматривает его как материал и инструмент для создания визуальных образов, воспринимая на уровне знаков и жестов, имитирующих смыслы. Вторая сфера погружена во всеобъемлющую природу слова как пространство осуществления человека и смысла бытия.

При осмыслении словоцентричности художественного пространства произведений А. С. Пушкина в контексте полемики об уместности использования в светской культуре религиозных тем и образов святитель Игнатий (Брянчанинов) пришел к различению природы слова и выделил благодатную и благоустроенную его природу [16, с. 260]. Последней соответствует внешнее слово. В романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» это различие прослеживается на уровне художественных модусов выражения и воплощения, сопутствующих точкам зрения автора и Максим Максимыча: «...в сердцах простое чувство красоты и величия природы сильнее, живее во сто крат, чем в нас, восторженных рассказчиках на словах и на бумаге» [17, с. 305]. Им соответствуют отношения буквы и духа в аспекте их направленности, в рамках которой выражение есть движение от внешней стороны явления к смыслу, приносящее в него свою ограниченность, а воплощение – проникновение смыслом материи, образующее, организующее ее с точки зрения связей. Во втором случае наблюдается связь с препозицией славянской письменности внутри «ядра» – «перевода» евангельского содержания. Ситуация не определяется вопросом о символе как отношении низшего и высшего пластов бытия [18, с. 324], а имеет культурно-историческую обусловленность. П. А. Флоренский, приводя книгу в качестве примера символа, замечал, что «связь между смыслом, с одной стороны, и бумагой и чернилами, с другой, необъяснима, а что она существует – это очевидно и бесспорно» [18, с. 325]. Таким образом, традиционная направленность движения от буквы к духу бесспорна как факт и, соответственно, закономерна, но необъяснима.

Апофатическая ситуация проникновения письменности внутри «ядра» смыслом, наоборот, не закономерна, но объяснима. На уровне русской классической литературы отношения буквы и духа, выступая в качестве автора и героя, рассказчика «на словах и на бумаге» и «в сердцах простых», фиксируют момент своей секулярной трансформации, при которой внешнее слово возникает не в продолжении внутреннего, а является направленным на него, подменяет его собой. Модус автора и его слово исключаются из действительности, оказываясь не внутри, а напротив нее, что в рамках секулярного сознания представляется своего рода художественной нормой эстетического события. Ее нарушает аномальное воздействие «ядра», художественный след которого прослеживается в замкнутости и ограниченности сознания в сфере эстетического воспроизведения действительности, не повышающей ее значимости, а нивелирующей образы письменности. Они низводятся до негативного подобия автора как рассказчика «на словах и на бумаге». Тождественность слова бумаге – ситуация автора, сообразующая его со средой полной бессловесности. Он обнаруживает себя в сфере буквальности как двоякой вненаходимости, пребывая вне зоны смысла и в состоянии абсолютной выраженности. Параллельно второй элемент этого воздействия – «в сердцах простых» – возвращает письменность в ее первичную позицию, в рамках которой эстетическое переживание – «чувство красоты и величия» – наделяет ее значением «живее во сто крат». В результате на месте «вненаходимости автора героя» [19, с. 18], возникающей внутри секулярного сознания, оказывается проникновение смыслом как внутренняя установка «ядра». Она проявляется в движении не от автора к герою, а от героя к автору, от сферы «сердца» к пространству «на словах

и на бумаге», что повышает его значение, когда на первый план выходит не бессмысленность бессловесности, а не проявленный, скрытый смысл.

В поле воздействия «ядра» эстетическая ситуация «восторженного рассказчика» в ее направленности вовне, определяемой ценностной ориентацией, корректируется «чувством красоты и величия», которое имеет внутреннюю направленность, но как предмет изображения автора открывается им. На уровне слова происходит поворот от видимого и созерцаемого к сокровенному, скрытому, внутреннему. Эти позиции слова – нейтральная, секулярная позиция у рассказчика и позиция скрытого смысла у духовных интуиций – обнаруживают себя в значении «письмена», связывающем их с первичной готовой позицией полного смысла («сердца»), в котором оно выступает в «ядре». Путь от созерцания (эстетического события-объекта) к духовной реальности, воплощенной в славянской письменности, и есть та сфера художественности («воплощение идеального»), которая пролегает между образами и первообразом, определяя сущность русской литературы. Это не зазор [6, с. 123–124, 126] между преходящим и вечным, образом и первообразом, знаком и значением, а восстановление непрерывной связи, воплощения, при котором материя в эстетическом, живописно-пластическом понимании не разделяется на определенные периоды, а обнаруживает себя как целое в разной степени проницаемости смыслом (первообразом).

В традиционном модусе развития культур (античной, византийской, средневековой, новоевропейской) зазор представляет собой подвижное, неустойчивое поле, реагирующее на изменяющуюся действительность. Это разрыв в сущности явлений, приводящий к тому, что он постоянно заполняется «сдвигом всех смыслов» [6, с. 138] на уровне аллегоричности и иносказательности на закате Античности и западного Средневековья, а также построением подобий, «начиная с эпохи Возрождения и почти до наших дней» [18, с. 56]. Последнее принимает вид смены литературных направлений под знаком общей установки (идеологической и в определенной мере психологической) расценивать «всемирную историю по степени близости ее явлений к явлениям второй половины XIX века» [18, с. 56] и уподоблять все в истории искусства современности в ее изменяющемся от эпохи к эпохе значении. Зазор – это уже не «сдвиг всех смыслов», вызывающий литературно-художественную реакцию, а зияние, «перескакиваемое первый раз творящим разумом художника, а потом разумом, сотворчески воспроизводящим в себе картину» [18, с. 88]. Здесь речь идет о перспективном изображении, образующем разрыв между искусством и действительностью, которую определяет «некоторая субъективность, сама лишенная реальности» [18, с. 93]. Однако перенесение акцента с художественно-эстетического содержания, наполнения на направленность, упорядоченность, системность и структурность для преодоления (оформления) зияния – ось понятия «литературное направление». Возникают не связи и отношения, а границы, означенные автором и читателем. В аспекте словесного творчества можно говорить о ситуации бессловесности, обращенной не к смыслам, а к знакам.

Характерная черта «воплощения идеального» как производного от славянской письменности явления – отсутствие зазора между буквой и смыслом. Такова природа «ядра». Весь массив филологических интересов, сопутствовавший деятельности патриарха Фотия [6, с. 340; 10, с. 346–354], к которой был приобщен Константин Философ, свернулся в духовном акте: «Пошел же Философ и по старому обычаю стал на молитву и с иными помощниками» [13, с. 87]. Особенностью центрального события в истории славянской письменности является то, что акт открытия букв переходит в их сложение в слова. «Буквы для языка» являются погруженными в ход развития византийской культуры, представляя собой «синопсис, дающий в единой совместить множество точек зрения» [18, с. 145–146], и одновременно заостряются, выхватываются из него в молитвенном обращении Кирилла. Этот поворотный момент образно подготовлен и воплощен центральным дописанным сюжетом жития, организованным диалоговой ритмической стихией вопросов и ответов, множественность которых одновременно открывается как единственность – путь, обращенный в пространство человеческого существа [18, с. 145]. Письмена становятся своего рода кульминацией, откровением полного смысла и поворотом к сложению как новой архитектоники культуры. Из совмещения измерений, в которых существуют письма (явить и сложить в общем качестве «славить»), возникает «ядро». Его влияние описывается понятием «воплощение идеального». «Ядро» образует вектор движения, направленный не вовне, а внутрь, к собственно церковной культуре как сущности и преодолению сопротивления внешних факторов. Точное определение данного феномена, способного благодаря своей церковно-библейской составляющей «восходить до высоты, недоступной никакому другому языку, и опускаться до простоты, осязаемой непонятливейшего человека» [20, с. 360], стоит за смыслом, который Н. В. Гоголь вкладывал в понимание русского языка. В этом определении содержания русской литературы, акцентированном на способности языка связывать полярные стороны бытия своим смысловым проницанием, писатель выстраивает архитектуру не высокого и низкого (зазора и обусловленных им «внутренних подразделений» в культуре), а духовного как понятного – проявления «ядра» в рамках «воплощения идеального».

Уже на литературном материале эти взгляды были развиты Ф. М. Достоевским в понятии «всемирная отзывчивость». Прилагательное «всемирная» обращено к культурному многоязычию А. С. Пушкина в его направленности на добро и зло как две крайности бытия. В этом смысле способность говорить на многих языках культуры вмещает в себя значение «понятность» и переходит в него в качестве «пророчества» (1 Кор. 14:2–4). Художественная образность произведений А. С. Пушкина как понятность – погружение в сферу «перевода», не порывающее с реальностью, в которой находится автор. В рамках компонента «отзывчивость» объем и масса языкового, исторического и культурного материала фокусируется на способности к отзывчивости, относящейся к сердцу. В нем внешняя сторона слова преобразуется во внутреннюю. В данном аспекте «всемирная отзывчивость», как принцип художественной архитектуры русской литературы, восходит к присущей «переводу» динамической природе внешних проявлений слова как реакции на импульсы, исходящие от неизменного и постоянного смыслового центра.

Обособление художественно-эстетических принципов в рамках определенных литературных концепций, принимавших вид направления, глубинно не совпадало с природой культурного поля, которое воспринимало действительность не в разрывах и образованных ими границах, а в связях и отношениях. В данном аспекте постромантическая ситуация (реализм) как необходимое звено поступательного движения стала своего рода вехой. В ней принцип восприятия явления в его направленности на уровне художественных образов изменяется в обратное видение через погружение в пространство связей по мере приближения к «ядру», попадания в поле его притяжения. В связи с этим развитие русской литературы в русле европейских заимствований являлось перевернутым отражением сущностных черт древнерусской литературы. Данная позиция светской культуры была моментом ее объективного присутствия в потоке действующего литературно-эстетического сознания. Положительная, перспективная направленность заимствования на уровне понимания существа человека как центра усилий творческого акта обнаруживала в себе отрицательный или обратный (древнерусский) культурный импульс.

У истоков древнерусской словесности тоже стоит заимствование результатов. Наблюдается повторение модели при полной противоположности сущности. Если в первом случае речь идет об исключительно религиозных, церковных заимствованиях, то во втором случае – о светских заимствованиях, причем подчеркнуто атеистических и антирелигиозных, чем стало русское вольтерианство XVIII в. [21]. Одновременно заимствование христианской письменности сопровождало отсутствие интереса к современной византийской литературе, переживавшей возрождение и расцвет, и, наоборот, поток светских заимствований в Новое время протекал под знаком современности.

Рациональное определение и чувственное определение человека в художественных практиках конца XVIII в. в творчестве Г. Р. Державина и Д. И. Фонвизина с метафизической и психологической точек зрения пришли к восприятию человека в середине бытия и жизни. В данном аспекте середина является не нахождением между, а сжатием положительных усилий европейского вектора развития под воздействием отрицательного момента древнерусского влияния. Определение человека Г. Р. Державиным в оде «Бог» как «ничто», при котором становится возможен следующий акт – «сияние», у Д. И. Фонвизина в воспоминаниях «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» развернуто в «половину жизненного поприща», в рамках которого обозначает себя сокровенный центр человеческого существа – «тайны сердца» [22, с. 81]. Мотив чистосердечности становится точкой сжатия, к которой приходят установки европейского культурного влияния. Чистосердечность определяет архитектуру художественного образа. Положительная направленность европейского влияния на уровне всех установок художественного пространства («подвиг», «Руссо», «показать человека во всей истине природы, изобразив одного себя») получает отрицательное значение: «...не будет в признаниях моих никакого другого подвига, кроме раскаяния христианского» [22, с. 81]. Внутри художественного пространства происходят изменения в его структуре, которая становится буквальным повторением строения Поучения Владимира Мономаха в главной его характеристике – различении биографического, естественного и духовного начал на словесно-смысловом уровне, в рамках которого внутреннее пространство воплощается с помощью цитат на церковнославянском языке. Она, в свою очередь, обусловлена критической фазой архитектуры человеческого существа, подходящего к пределу своей бедности: «сидя на саях» (перед смертью) у Владимира Мономаха и «одержим будучи трудною болезнью» у Д. И. Фонвизина. В этот ряд встраивается категория «вдохновение», которая приводит Г. Р. Державина к тому же результату в видении человека. Вдохновение у поэта опускается к своему первоначальному религиозному значению и занимает равнозначное с болезнью, повседневностью положение. Положительная направленность европейского влияния корректируется отрицательным импульсом, который проявляется как очищение и освобождение, протекающие на всех уровнях творческого акта: мировоззренческом, образном, словесно-изобразительном, стилевом уровнях. В данном аспекте восприятия человека прослеживается тенденция тяготения не к выражению, а к воплощению.

Заключение

В рамках развития русской литературы реализм имеет критическое, пороговое значение. Европоцентричность, задававшая ему логику движения, не совпадала с принципами художественного осмысления мира и человека. В данном состоянии проявилась двойственность реализма как метода и направления, его эстетически-гносеологической и векторной составляющих. Метод и направление различаются по своему генезису. Реализм определяется совокупностью литературно-эстетических взглядов, которые возникают при сближении русской литературы с европейской и носят перспективный характер, тогда как с методической точки зрения он вступает в более глубокие и разносторонние связи и отношения, которые обуславливаются национальной спецификой в ее ориентированности на православную традицию. Когда Ф. М. Достоевский определяет свою творческую установку триединством понятий «зовут психологом: неправда», «реалист», «в высшем смысле» [23, с. 65], он вычленяет себя прежде всего из направления. Речь не идет о противопоставлении русской и европейской линий развития. Из внешней первая становится внутренней, включаясь в более широкий круг понятий. «Непсихолог» указывает на апофатическое отношение к индивидуальному строению человека как единственно возможному в европейской культуре. Ее ограниченность он детализирует в понятиях «реалист» и «в высшем смысле». Первое понятие как момент буквальности восприятия явления ставится в ситуацию смысловой проницаемости, т. е. находится в поле притяжения «ядра». Направление и метод производны от символа-метафоры пути, но если метод ставит реальность в ситуацию проницания смыслом и выступления, воплощения в нем, то направление является развернутым во времени, группирует свои усилия вокруг смещающейся точки отсчета, современности. Ее смысловая данность или актуальность реализуется через сближение с индивидуальным сознанием, образуя хронотопический уровень художественного пространства.

В реализме современность выступала в качестве «ворот хронотопов» [15, с. 406], поэтому его сопровождает понятие «переходная эпоха» в том значении, что «никакая эпоха не имеет никакого самостоятельного смысла сама по себе» [24, с. 19]. Это понятие восходит к «эсхатологическим ожиданиям» (П. Г. Паламарчук), зафиксированным в первых проявлениях индивидуального сознания в древнерусской культуре. В историко-литературном аспекте реализм определялся границами, которыми, в свою очередь, обеспечивалась систематичность культурного акта [15, с. 25]. В русской литературе она представляла собой критическую, находящуюся на грани апофатического переосмысления фазу художественного осуществления непрерывности жизни в индивидуальном опыте бытия человека.

Архитектонический принцип, который наблюдается в отношениях автора и героя, можно рассматривать как возникающую внутри индивидуального сознания сферу личностного бытия, первично определяющуюся принципом «множественных сознаний». Именно «множественным сознаниям» как художественно-архитектоническому образованию предшествует сфера современности, в рамках которой ситуация понимания возникает из смыслов в их текущем значении, формирующем общность сознаний. С точки зрения художественной структуры на уровне общности сознаний возникает модус читателя и завершается образованием триады *автор – герой – читатель*. Общность сознаний выступает в качестве типического как важнейшей черты реалистической образности, появляясь через вертикальное рассечение пространства современности индивидуальным началом в его выразительной динамике.

На уровне общности сознаний прослеживается аномальное поведение реализма в русской литературе в рамках базовой аксиомы его определения – историко-типологической связи с реализмом европейских литератур с указанием на ярко выраженные особенности [25, с. 28]. В русском реализме современность, выступая в значении не мировоззренческой константы, а текущей, преходящей действительности, погружала ценностно-эстетические установки в ситуацию вневременности. Именно ей определяется позиция религиозной культуры. Христианство несло истину, обращенную к настоящему и действительному. Именно в зоне настоящего, в которое пересоздавалось современное, православие и русская литература входят в контакт, минуя логику взаимодействия культурных пластов, продиктованную европейским влиянием. На силу выразительности, восходящую к индивидуальному строю человека и характеризующую реалистическую концепцию в ее традиционном понимании, воздействует момент переживания вечности в ее личной определенности, которая оформляется в эстетическое событие – воплощение. Прежде всего это выражалось в том, что поступательная смена литературно-эстетических концепций подспудно преобразовывалась в ситуацию возвращения к началу, т. е. к той художественной системе, которая не будет основываться на отрицании предыдущей. В контексте проблемы русского реализма особенность «поэтики начал», возникающей в рамках «воплощения идеального» как проявления «ядра», заключается в ее отношении к человеку. Русский реализм не погружен в богатство и разнообразие индивидуальной природы – он исчерпывает ее, приводит к тому общему знаменателю, который лежит в основании индивидуальности. Из духовного аспекта бедности возникает ее эстетическая сторона, в рамках которой «идея формального обогащения», «дар формы» [19, с. 83–84] есть сам момент рождения человека в человеке, индивидуальность воплощается в личность и в этом качестве не созерцается, а узнается другим в своем начале.

Библиографические ссылки

1. Маркович ВМ. Вопрос о литературных направлениях и построение истории русской литературы XIX в. *Известия РАН. Отделение литературы и языка*. 1993;52(3):26–32.
2. Захаров ВН. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы). *Проблемы исторической поэтики*. 2001;6:5–20. EDN: RUYKSF.
3. Моторин АВ. «Словесность» и «литература». Духовные основы русского и западноевропейского отношения к словесному творчеству. *Проблемы исторической поэтики*. 2008;8:17–36. EDN: RUYMDD.
4. Живов ВМ. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. Москва: Языки славянских культур; 2002. 760 с. (Studia Philologica). EDN: PXNNKP.
5. Бочаров СГ, Гей НК, Михайлов АВ, Сазонова ЛИ, Сквозников ВД, Смирнова НН и др., редакторы. *Теория литературы. Том 3, Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении)*. Москва: Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН; 2003. 592 с.
6. Аверинцев СС. *Поэтика ранневизантийской литературы*. Санкт-Петербург: Азбука-классика; 2004. 480 с.
7. Казанский ПС. *История православного монашества на Востоке. Часть 1*. Москва: Паломник; 2000. 463 с.
8. Лихачев ДС. *Развитие русской литературы X–XVII веков: эпохи и стили*. Ленинград: Наука; 1973. 256 с.
9. Лотман ЮМ. *О русской литературе: статьи и исследования (1958–1993)*. Санкт-Петербург: Искусство; 1997. 845 с.
10. Россейкин ФМ. *Первое правление Фотия, патриарха Константинопольского*. Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой лавры; 1915. 491 с.
11. Кузьмин АГ, Карпов АЮ, составители. *Златоструй: Древняя Русь X–XIII вв.* Москва: Молодая гвардия; 1990. 302 с.
12. Рыбаков БА, Жуковская ЛИ, Князевская ТБ, Макарова ТИ, Подобедова ОИ, Розов НН, редакторы. *Изборник Свято-слава 1073 г.* Москва: Наука; 1977. 314 с.
13. Удальцова ЗВ, Королюк ВД, Рогов АИ, Жаворонков ПИ, Осипова КА, Самодурова ЗГ и др., редакторы. *Сказания о начале славянской письменности*. Флори БН, переводчик. Москва: Наука; 1981. 200 с.
14. Флоренский ПА. *Сочинения. Том 2*. Трубачев АС, редактор-составитель. Москва: Мысль; 1996. 878 с.
15. Бахтин ММ. *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*. Москва: Художественная литература; 1975. 504 с.
16. Брянчанинов И. *Творения святителя Игнатия. Том 8, Собрание писем*. Москва: Издательство Сретенского монастыря; 2003. 784 с.
17. Лермонтов МЮ. *Собрание сочинений. Том 4, Проза. Письма*. Андроников ИЛ, Благый ДД, Оксман ЮГ, редакторы. Москва: АН СССР; 1959. 826 с.
18. Флоренский ПА. *У водоразделов мысли. Том 2*. Москва: Правда; 1990. 448 с.
19. Бахтин ММ. *Эстетика словесного творчества*. Бочаров СГ, составитель. 2-е издание. Москва: Искусство; 1986. 445 с.
20. Гоголь НВ. *Собрание сочинений. Том 6, Статьи*. Москва: Художественная литература; 1986. 543 с.
21. Заборов ПР. *Русская литература и Вольтер: XVIII – первая треть XIX в.* Ленинград: Наука; 1978. 246 с.
22. Фонвизин ДИ. *Собрание сочинений. Том 2*. Макогоненко ГП, составитель. Москва: Художественная литература; 1959. 742 с.
23. Достоевский ФМ. *Полное собрание сочинений. Том 27*. Базанов ВГ, редактор. Ленинград: Наука; 1984. 459 с.
24. Лосев АФ. *Миф. Число. Сущность*. Тахо-Годи АА, составитель; Тахо-Годи АА, Махоньков ИИ, редакторы. Москва: Мысль; 1994. 914 с.
25. Фохт УР, редактор. *Развитие реализма в русской литературе. Том 1, Просветительский реализм. Утверждение критического реализма*. Москва: Наука; 1972. 351 с.

Статья поступила в редколлегию 01.07.2025.
Received by editorial board 01.07.2025.